

актъ приходскаго устава, требуетъ непремѣнной и обстоятельной переработки.

Полной плодотворности работъ съѣзда помѣшала чрезвычайная краткость отведеннаго для него времени въ сравненіи со сложностью задачъ и громоздкостью и пестротой его состава при совершенной необычности и потому неподготовленности къ такого рода всецерковныхъ собраній.

Во всякомъ случаѣ Всероссийскій съѣздъ духовенства и мірянъ, будучи прототипомъ собора, совершилъ необходимый первый, основоположительный, хотя и не официально-законодательный актъ для официально-регулярной дѣятельности Собора: непосредственный личный живой обмѣнъ мнѣній и пасторскій всего имѣющаго быть представленнымъ на Соборѣ церковнаго общества.

В. Можайскій.

II. Открытіе всероссійскаго церковнаго собора.

Церковный соборъ... За послѣдніе двѣнадцать лѣтъ эти слова не сходили съ устъ всѣхъ церковныхъ людей, не сходили со страницъ духовной и свѣтской печати, слышались съ высоты парламентскихъ трибунъ. И однако... собора все не было. Будто какое заклятье висѣло надъ соборной жизнью церкви русской. Высочайшая резолюція 31 марта 1905 года на докладѣ Св. Синода о созывѣ собора: „Признавъ невозможнымъ совершить въ переживаемое нынѣ тревожное время столь великое дѣло, требующее и спокойствія и обдуманности, каково созваніе помѣстнаго собора. Предоставляю себѣ, когда наступитъ благопріятное для сего время, по древнимъ примѣрамъ православныхъ императоровъ, дать сему великому дѣлу движеніе и созвать соборъ всероссійской церкви для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія“. Годы шли за годами; въ нѣсколько измѣнившихся условіяхъ государственной жизни положеніе Православной Церкви становилось невыносимымъ. Церковная жизнь приходила все въ большее и большее разстройство. За русскую православную церковь болѣли душой даже и чужіе для нея люди. Прежде гонимыя религіозныя общины получили свободу. Въ древней православной Москвѣ безпрятственно засѣдали соборы раскольниковъ,

собирались съезды баптистовъ. Для Православной же Церкви все еще не наступало лѣто благопріятное. Самодержавіе царское, по Петровскому идеалу образовавшееся, все время было враждебно къ самостоятельности русской національной церкви и въ этомъ отношеніи, себѣ на погибель, осталось вѣрно себѣ до самаго конца. Потребовался стихійный переворотъ, ниспроверженіе самаго царскаго престола, чтобы наступило и для Православной Церкви благопріятное время созвать соборъ, котораго она лишена была 235 лѣтъ. Отпоженіе царствовавшей династіи къ Православной Церкви—это историческій примѣръ неблагодарности. Триста лѣтъ назадъ церковь требовала національной династіи, отвергая династію иновѣрную. Первосвященитель русской церкви святѣйшій патріархъ Ермогенъ претерпѣлъ за идею національной династіи мученическую кончину. А эта династія, скоро обратилась въ совершенно чуждую русскому народу, уничтожила патріаршество, поразила пастыря русской церкви и лишила разсѣянныхъ овецъ возможности собираться во едино, доведя тѣмъ самымъ церковь до крайне бѣдственнаго состоянія. Ужаснымъ позоромъ и тяжкимъ всенароднымъ бѣдствіемъ окапчивается петербургскій періодъ русской исторіи, и въ эти мрачныя дни должна взойти заря новой свободной церковной жизни.

Долго готовились къ собору. Издали цѣлыя томы предсоборныхъ трудовъ и разсужденій по всевозможнымъ вопросамъ, и однако соборъ пришлось собирать паспѣхъ. Въ самый краткій срокъ составлено было положеніе о соборѣ, назначены и произведены повсюду выборы членовъ собора. Несмотря на все это, соборъ собрался въ назначенный срокъ 15-го августа, въ день Успенія Божіей Матери.

Трудно и пожалуй невозможно описать тѣхъ думъ и чувствъ, съ которыми подъѣзжалъ къ Москвѣ каждый членъ собора. За два съ половиной вѣка мы, конечно, отвыкли отъ соборной жизни, соборы вышли изъ нашей жизни. Для насъ соборъ обратился уже въ религіозный символъ и намъ почти невозможно себѣ представить соборъ какъ бытовое явленіе. Для насъ соборъ представляется въ типѣ иконографическомъ; мы видимъ вселенскіе соборы въ стѣнной росписи храмовъ, гдѣ чинно сидятъ святители, „отцы соборовъ“. Члены настоящаго собора впервые встрѣтились другъ

съ другомъ въ стѣнахъ Московскаго Успенскаго собора. Здѣсь какъ бы встрѣтились двѣ Россіи—древняя и новая, встрѣтились и смотрѣли другъ на друга, чувствуя другъ друга и плохо узнавая. Новые люди пришли въ древній храмъ. Сколько эти люди пережили за двѣсти лѣтъ! Какъ измѣнились ихъ умственный, нравственный, культурный обликъ! Вѣра и благочестіе оставались ли тѣ-же, или стали иными? Въ самомъ богослуженіи снелетались двѣ эпохи: въ пысканное пѣніе синодальнаго хора вдругъ врывалось столповое пѣніе успенскихъ соборянъ. И нужно сказать, что древнее столповое пѣніе производило болѣе сильное впечатлѣніе,—будто оживали древнія стѣны собора: мощь, твердость и непоколебимость слышались въ нагѣвѣ. Невольно цытливый взоромъ присматриваешься къ членамъ собора и прежде всего замѣчаешь, какъ составъ членовъ собора разнообразенъ. Составъ собора такъ же пестръ и многообразенъ, какъ сама сто-милліонная россійская православная церковь. Всѣмъ извѣстные столичныя протоіерей и иному невѣдомые сельскіе іерей, много представителей науки и педагоговъ, видныя общественныя и государственныя дѣятели, имя которыхъ у всѣхъ на устахъ, рядомъ съ ними простыя сельскіе крестьяне, самымъ видомъ своимъ иногда представляющіе простое деревенское благочестіе, замѣтныя и военныя фигуры офицеровъ и солдатъ. Всѣ собрались здѣсь со своими думами, со своими нуждами, заботами о благе церкви, со своеобразнымъ иногда пониманіемъ этого блага. И радостно было видѣть эту разнообразную массу соборныхъ членовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ жутко и боязно. Радостно потому, что наконецъ осуществилась мечта многихъ поколѣній русскихъ православныхъ людей о возвращеніи церкви каноническаго соборнаго управленія, такъ пагло въ ней поруганнаго со времяя Петра. Боязно потому, что такъ долго не было соборовъ, такъ много накопилось въ церковномъ тѣлѣ недоразумѣній, взаимнаго непониманія, иногда вражды и недоброжелательства. Эти люди столь разнообразны, столь далеки другъ отъ друга, такъ отвыкли другъ отъ друга—смогутъ-ли они объединиться въ общей любви и единомысліи, понять другъ друга, оцѣнить другъ друга, простить другъ другу прошлое ради лучшаго будущаго? Всѣ эти тревожныя

вопросы неотступно волновали мысль и создавали безпокойное состояніе духа.

Были моменты особаго духовнаго подъема. Таковъ былъ моментъ открытія собора послѣ литургіи въ Успенье. Со всей Москвы собрались крестные ходы, во главѣ со святителями. На помостѣ среди собора въ полномъ облаченіи стало нѣсколько десятковъ святителей русской церкви. Къ нимъ присоединилось множество архимандритовъ, протоіереевъ и іереевъ. Члены собора міряне вышли на среднюю же собора. Первосвятитель—кѣвскій митрополитъ читаетъ краткую грамоту объ открытіи собора. Члены собора запыли символъ вѣры. Моментъ былъ потрясающій, у многихъ на глазахъ слезы. Тотчасъ длинной вереницей члены собора вышли изъ собора и, зайдя къ свят. Алексію въ Чудовъ монастырь, направились на всепародное молебствіе на Красную площадь. Ясный солнечный день, площадь залита многими тысячами народа, цѣлый лѣсъ хоругвей возвышается надъ чернѣющей толпой. По особому чину совершенно было молебствіе на Лобномъ мѣстѣ и среди хоругвей члены собора чрезъ Никольскія ворота возвратились въ Кремль. Около нихъ хоругвей стояли почти цѣлые приходы православныхъ москвичей со своими духовными пастырями. Иные приходы встрѣчали проходящій мимо соборъ пѣніемъ тронарей. Во все время пути слезы невольнo застилали глаза. То были слезы умчленной радости, согрѣвающей сердце и умягчающей душу.

И еще нѣсколько дней продолжалось открытіе собора—въ храмѣ Христа Спасителя и въ назначенной соборной палатѣ-залѣ Московскаго Епархіальнаго дома. Медленно организовывался соборъ. Въ печати уподобляли соборъ большому колоколу, въ который нельзя ударить сразу: нужно напередъ долго раскачивать языкъ. Дай Богъ, чтобы сравненіе это было вѣрно и дальше,—чтобы соборъ дѣйствительно оказался большимъ колоколомъ, который зазвонитъ бы громко и всѣхъ заставитъ перекреститься и слушать себя! Первые же дни засѣданія собора прерывались соборными богомоленіями. 27-го августа соборъ пріѣзжалъ въ Лавру преп. Сергія. Въ этотъ день многіе члены собора посѣтили и нашу Академію, осматривали академическія помѣщенія, бібліотеку и проч. За литургіей въ Троицкомъ соборѣ говоритъ слово